

Теоретические дискурсы и дискуссии

Социология как призвание (публичная лекция¹ в Санкт-Петербургском государственном университете 24 марта 2015 г.)

DOI: 10.19181/inter.2019.18.1

Майкл Буравой*

Известные эссе Макса Вебера «Политика как призвание» и «Наука как призвание» оставляют открытым вопрос о том, что значит «социология как призвание». Что это значило для Вебера и что в современных условиях это может означать для нас? Ответ будет отличаться от места к месту, но есть ли общее представление о социологии? Существует ли что-то особое в социологии в сравнении с экономическими и политическими науками? Или же их следует растворить в одной социальной науке?

Ключевые слова: социология, профессиональная идентичность, Вебер, гражданское общество

Я буду говорить по-английски, так как мой русский очень слаб. Спасибо большое коллегам — Скворцову и Ярошенко — за приглашение и представление.

Находясь в этом просторном зале, я могу поверить, что тут располагался эпицентр русской революции. Представляется, как именно здесь, во время второго съезда рабочих и солдатских депутатов, Ленин обратился к рабочим и крестьянам. Вообще-то, я являюсь большим поклонником не Ленина,

---

¹ Перевод с английского Валентины Исаевой (к.с.н., член Санкт-Петербургской Ассоциации социологов); научная редакция Светланы Ярошенко (к.с.н., доцент кафедры сравнительной социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета). Текст публикуется с согласия Майкла Буравого.

* Michael Burawoy, University of California, Berkeley.

а Льва Троцкого, хотя, наверное, он уже не так популярен сегодня. В любом случае, я собираюсь говорить не о Ленине и не о Троцком, а о социологии. Конечно, для Ленина и Троцкого социология была буржуазной наукой. Я же буду защищать социологию как призвание. В ближайшие сорок минут я планирую представить вам свое видение социологии, условий, в которых она существует в настоящее время здесь и в других частях мира. Прежде чем обратиться к теме социологии как призвания, я хотел бы начать с самого понятия призвания (vocation, calling) и того, как оно трактуется в работах Макса Вебера.

Сначала давайте что-нибудь скажем о социологии. Существует много её определений, но главная проблема заключается в том, что мы все расходимся во мнениях по поводу того, что же такое социология. И это хорошо, многообразие мнений — это хорошо. Для меня социология — это научное видение мира с позиции гражданского общества. Гражданское общество является тем, чем не является ни государство, ни экономика. Оно состоит из организаций, институтов и социальных движений, которые образовали автономную или относительно автономную сферу общества в конце XIX века в Европе. С его развитием развивалась и социология. Итак, социология — это видение мира с позиции гражданского общества. Она изучает экономику и рынок с точки зрения их влияния на состояние данной сферы общества, а также рассматривает условия, создаваемые самим гражданским обществом для экономики. Подобным образом политические социологи изучают последствия деятельности государства для гражданского общества и то, как последнее поддерживает государство. Я хочу подчеркнуть, что гражданское общество является фундаментом социологического взгляда на мир. Когда оно исчезает — исчезает и социология. В Советском Союзе была социология, но очень хрупкая. Она приходила и уходила, исчезала и появлялась снова, потому что гражданское общество было слабым. В Чили при Пиночете социологии пришлось уйти в подполье, тогда же исчезло и гражданское общество. В Южной Африке сейчас говорят о том, что гражданское общество — это нестабильная форма социальной организации, так и социология там тоже попадает под определение «нестабильной». Иными словами, как только гражданское общество делится и дробится на части, тогда и социология становится фрагментарной. Существуют различные точки зрения в рамках самой социологии, которые все объединяются позицией гражданского общества. Итак, мой *исходный тезис заключается в том, что мы можем рассматривать социологию как научное видение мира с позиции гражданского общества.*

Следующий вопрос заключается в том, что я подразумеваю под социологией как призванием. Первое, что следует отметить — как Макс Вебер, теоретик идеи «призвания», говорил о политике как о призвании. По мысли Вебера, есть две категории людей: те, кто живет *за счет* политики, и те, кто живет *ради* политики, кто имеет чувство призвания и приверженности. Я хотел бы подчеркнуть эту разницу между ситуацией, когда мы живем *за счет* социологии, и ситуацией, когда социология становится тем, *ради* чего мы

живем. Подобным образом Маркс дифференцирует тех, кто живет для того, чтобы *трудиться* (*work*), противопоставляя их тем, кто *работает* (*work*) для того, чтобы жить². Мы проводим похожее различие между социологией для жизни и жизнью ради социологии. Далее я подробно рассмотрю это различие через шесть положений. Я уже озвучил *первое положение* о том, что социология — это позиция гражданского общества. *Второе положение* рассматривает социологию как призвание. В своей известной книге «Протестантская этика и дух капитализма» Макс Вебер высказал потрясающую идею, гипотезу о том, что именно протестантская этика является основанием духа капитализма. Что такое протестантская этика? По сути, речь идет о реформации и лютеранстве. Именно Лютер сформулировал идею призвания, «*Vocuf*» по-немецки. Мы находимся на земле, у нас есть Бог, который призывает занять определенную позицию в разделении труда, и мы должны действовать соответственно призванию — это наша функция, цель здесь, на земле. Но затем появился еще один джентльмен — Кальвин, предложивший другую интересную идею о предопределении. У нас не просто есть призвание, но существуют два типа людей — избранные и обреченные: те, кто будет спасен, и те, для кого спасения нет. Однако протестанты-кальвинисты не могут наверняка знать, будут ли они спасены или обречены. Они живут в неопределенности и ждут знаков. Такое положение дел настолько тревожит протестантов, что рамкой их действия становится посвящение себя прославлению Бога на земле, и в этом, согласно Веберу, заключается основание капитализма. Это пристрастное накопление, жизнь по такому сценарию, согласно призванию накапливать, накапливать, накапливать во имя Бога, совершая избирательные поступки. Я считаю, что идея Вебера *призвания ради* происходит от кальвинистского страдания из-за предопределения. Кальвинисты ведут образ жизни, определенный призванием, но сталкиваются с высокой степенью неопределенности.

Так что же такое социология как призвание? Чтобы понять это, нам необходимо обратиться к двум блестящим эссе, которые прочел, возможно, каждый социолог. Одно эссе — «Наука как призвание», написанное Вебером в конце его жизни, во время Первой мировой войны, в 1917 г. Второе эссе — «Политика как призвание», написанное им уже после Первой мировой войны, после поражения Германии, в 1919 г. Я думаю, что эти эссе содержат весьма актуальную идею о том, как мы можем адаптироваться к современности. Современность понимается как система ключевых ценностей, которым мы должны быть привержены. Итак, о чем говорится в эссе?

² Разница в переводе на русский язык слова «work»: «трудиться» или «работать», — связана с разными понятиями отчужденного и свободного труда у К. Маркса (См.: Экономическо-философские рукописи 1844 г., а также «Наемный труд и капитал» 1849 г.). Если вынужденный труд является лишь средством поддержания жизнедеятельности наемных работников, то свободный труд — способом самореализации в процессе труда. Данное отличие в тексте передано словами «трудиться» и «работать». В русском языке «трудиться» чаще ассоциируется с делами, требующими усилий, старания и заботы; с напряжением телесных или умственных сил; тем, что утомляет. Тогда как «работать» скорее означает находиться в действии, делать что-либо по специальности и интересу, выполнять честно, на совесть. — *Прим. науч. ред.*

Я очень кратко резюмирую. В работе «Наука как призвание» Вебер пишет о том, что ученый должен бескорыстно посвятить себя научной деятельности, уделяя пристальное внимание деталям по самым, казалось бы, неуместным вопросам, и не ждать быстрых результатов. Он должен быть опьянен поиском истины, чувствуя, как в цепочке деталей утверждается знание. Ученый должен осознавать, что всё, что он или она создают, будет замещено, превзойдено другими. И ученый должен знать, что вдохновение нельзя форсировать, его нельзя искусственно притянуть. Оно приходит, когда его не ждешь. Это очень неопределенный сценарий, где присутствуют и приверженность, и неопределенность, преданное служение без гарантий. Это похоже на кальвинистов. И вот что, собственно, пишет Вебер: мы не можем развивать социальную науку — заметьте, «социальную науку» как противопоставленную «естественным наукам», — прежде всего, без определенных ценностей³. Приверженность ценностям выступает основанием социальной науки, основанием социологии. Это фундамент, на котором строится программа исследования. Она не является ценностно-нейтральной, наука основывается на ценностях. Ценности не могут быть исключены из научного проекта. Они обеспечивают базу социальных научных проектов. Ценности — это как лестница, которая определяет, откуда и куда ты попадешь. Они составляют ядро любого социального научного проекта. Вот в этом, на мой взгляд, и заключается главная идея эссе, которую я разовью немного позже.

У нас также есть идея политики как призвания. Это еще одно блестящее эссе Вебера, по которому я читал лекцию студентам в университете в Мюнхене. Существует напряжение между этикой ответственности, к которой мы обращаемся, когда для нас значимы последствия наших действий, следующих определенным ценностям, и другой этикой — этикой абсолютных ценностей, или конечных целей, как Вебер ее называет, согласно которой мы должны совершать действие, следуя определенным ценностям, вне зависимости от того, какие последствия это повлечет. Итак, существует напряжение между двумя этиками, одна из которых связана с последствиями, а другая с принципами. Это напряжение присутствует и в работах самого Вебера, посвященных сложности человеческого поведения. Мы все испытываем такое напряжение. Опять же, кальвинисты представляют яркий тому пример.

³ К эссе М. Вебера «Наука как призвание и профессия», переведенному на русский язык А. Ф. Филипповым и П. П. Гайденом, опубликованному в 1991 г. в серии «Социологическая мысль Запада», есть примечательный комментарий переводчиков, поясняющий их отношение к рассуждениям Вебера о том, «что там, где человек науки приходит со своим ценностным суждением, уже нет места полному пониманию фактов» (Вебер, 1918/1991: 723). По мнению переводчиков, «Вебер полагает, что если гуманитарная наука претендует на звание науки, то она должна удовлетворять требованию общезначимости, которое всегда выполняется естественными науками и выполняется именно потому, что в них познающий субъект находится всегда на дистанции по отношению к познаваемому предмету»; но различие между историческим и естественнонаучным подходами допустимо, поскольку образование понятий в исторических и естественных науках производится по различным основаниям (Вебер, 1918/1991: 723). М. Буравой, напротив, подчеркивает, что именно приверженность ценностям отличает социальную науку и что он готов отстаивать в споре подобное прочтение эссе М. Вебера. — *Прим. науч. ред.*

Политик — это человек, который сталкивается с весьма трудной и долгосрочной задачей. Политика — очень сложная, скучная и протяженная во времени деятельность, у которой нет ясной, реализуемой цели. Вот что такое политика. Это очень пессимистичный взгляд на то, что, в конце концов, должно быть осуществлено в ходе реализации определенных ценностей. В любом случае, Вебер стремится доказать, что политика и наука должны быть отделены друг от друга. Опасность заключается во вторжении политики в сферу науки. Вебер был сторонником автономии науки. Он пишет о том, что исследование, выстраиваемое в соответствии с этикой ответственности, соотносится с инструментальной рациональностью, рассматривающей средства и последствия. В то время как ценностная рациональность соотносится с ценностями и конечными принципами. Его тревожило, что инструментальная рациональность будет доминировать над ценностной рациональностью. Его беспокоило, что мы теряем чувство, каким ценностям мы должны быть привержены, — уже тогда он был заинтересован этим вопросом. В любом случае, это Макс Вебер. Идеи Макса Вебера представляют начала, основания социологии, автономию которой он отстаивал, потому что социология была новой наукой, он хотел защитить её от конкурентных дисциплин, от государственного вмешательства и государственного регулирования.

Это было становление социологии. Очень скоро социология заявила о себе и вошла на политическую арену. Мы столкнулись с тем, что я называю прикладной социологией (*policy sociology*), которая ориентируется на запросы клиентов. У нас также есть публичная социология (*public sociology*), которая представляет собой диалог социологов и различных групп общественности (*publics*). Это естественная эволюция социологии, которая происходит по мере её профессионализации. Кратко отмечу, что я обратился к Макс Веберу и, хотя вы можете подумать, что я марксист, но на самом деле я — веберианец. Я следую идеям Вебера и думаю, что они близки моим идеям об определенных видах знания. Профессиональное знание и критическое знание соотносятся с идеями Вебера о поиске ценностей, которым должна следовать наука, а прикладное — с этикой средств. Тогда как публичная социология — это публичное обсуждение оснований общества. Мое концептуальное предложение состоит в том, что профессиональная социология, как и та, что ориентируется на запросы клиентов, — это жизнь *за счет* социологии. Жизнь *ради* социологии означает думать о судьбе самой социологической науки. Это предполагает критичность в отношении оснований профессиональной социологии, критику её ценностных оснований. И в то же время жизнь *ради* социологии подразумевает общественные дебаты и дискуссии о ценностях социума с социологической точки зрения.

Я думаю, теперь уместен переход от Вебера к социологии, которая сформировалась в XX веке, после того, как умер Вебер и социология профессионализировалась, главным образом, в Европе и США. И можно сказать, что то, что мы наблюдаем после Второй мировой войны, это мессианская

социология (messianic sociology) — мессианская в том смысле, что она собирается остаться в мире. В США мессианская социология отражала то, что происходило в обществе после Второй мировой войны. А что, собственно, происходило? Поражение фашизма, расширение университетской системы в США, идеология, согласно которой США — земля обетованная, идея, которая была путеводной звездой послевоенного американского общества; и, конечно, «холодная война» и активная пропаганда марксизма-ленинизма в Советском Союзе. В целом, это были золотые годы социологии: у нее был враг, была основа и была цель. В тот момент социологи почувствовали себя избранными. Эдвард Шилз в эссе «Призвание социологии», пользуясь парсоновской терминологией структурного функционализма, пишет о ценностном консенсусе, лежащем в основе послевоенного американского общества. Он утверждает следующее: мы все разделяем общие ценности, у нас есть дополняющие друг друга ролевые ожидания. Появляется чувство, что социология воплощает коллективные представления общества, она является носителем общественного сознания, внезапно она становится публичной социологией. Уходит разделение между профессиональными социологами и публичной сферой. Профессиональная социология превращается в научную разработку общественных представлений, которые мы все разделяем в земле обетованной⁴. Кроме того, Э. Шилз соглашается с некоторыми аспектами позиции критических социологов. Так, Чарльз Райт Миллс, известный критический социолог, очень негативно оценивал отношения доминирования в Соединенных Штатах. Он также критично относился к прикладной социологии, так как она осуществляет свою деятельность, рассматривая человеческое поведение с позиций инструментальной рациональности, соотношения средств и цели⁵. Это продолжалось где-то десять-пятнадцать-двадцать лет, в течение которых теории модернизации, структурный функционализм и идеологическое доминирование социологии США распространялись по всему миру. Даже учебник по социологии в постсоветской России сохранил дух структурного функционализма 1950-х, который всё еще жив.

⁴ Речь идет об идеологической функции, которую выполняла послевоенная социология в американском обществе. Утверждение и господство структурного функционализма Т. Парсонса, легитимирующего концепцию американского капиталистического общества как стабильной саморегулирующейся системы, основывающейся на ценностном консенсусе, выступало альтернативой марксизму, см.: Буравой М. Развитие американской социологии: дилеммы институционализации и профессионализации // Рубеж: альманах социальных исследований. 1991. № 1. С. 74–95. — Прим. перев.

⁵ В своем известном труде «Социологическое воображение» Ч. Миллс пишет, что в американском обществе «средства власти и насилия становятся тотальными по своему масштабу и бюрократическими по форме» (Cit. to: Shils E. Professor Mills on the calling of sociology // World Politics. 1961. Vol. 13. № 4. P. 603). В связи с чем, он предостерегает социологов от того, чтобы делать социологию служанкой политических интересов, делегируя принятие решений относительно объекта и предмета исследования заказчикам. Другим пунктом критики становится господство «технократического отношения» в эмпирическом исследовании: Миллс упрекает современную ему социологию в попытке вывести причинное объяснение из статистических закономерностей. Э. Шилз соглашается с позицией Миллса в том, что за индексами и изоэченностью социологического инструментария социологи забывают о самих исследуемых людях и феноменах, что свидетельствует о недостатке эмпатии к изучаемому объекту (empathic poverty of sociologists), см.: Shils E. Professor Mills on the calling of sociology // World Politics. 1961. Vol. 13. № 4. P. 600–621. — Прим. перев.

Позже видение социологии как основания ценностного консенсуса общества становится предметом критики и нападок. Данная тенденция отражала события 1960–1970-х гг. в США и других странах мира: появление протестных движений. В американском обществе уже не было ценностного консенсуса, а были протесты против войны во Вьетнаме, студенческие выступления за свободу речи; и, что самое главное, были митинги в защиту гражданских прав — гражданские беспорядки и волнения по поводу прав меньшинств, например, афроамериканцев; конечно, феминистское движение. Протестные движения вытеснили структурный функционализм, и появилась другая мессианская социология — *радикальная социология (radical sociology)*. Она начинается с социальных движений, влияет на отношение социологов к этим движениям, многие социологи становятся их участниками. Так появление конфликтов и артикуляция проблем со стороны ответственности способствовали развитию критической социологии, что, в свою очередь, отражало трансформации, происходившие в обществе. Она была мессианской, потому что мы верили, что изменение социологии способствует и изменению общества. Итак, я рассказал о периоде мессианской социологии, когда социология была дисциплиной, напрямую влияющей на формирование ценностей общества.

Теперь нам необходимо перейти к настоящему времени, имеющему для нас ключевое значение. Я говорил о ценностном развитии социологии в связи с Максом Вебером, затем о периоде протестных движений в рамках мессианской социологии, а сегодня пришло время либеральных университетов. Итак, что происходит сегодня? Я имею в виду не только Санкт-Петербургский государственный университет, а университеты всех стран мира. Они становятся объектами двух видов давления: *первое — это превращение знания в товар, его коммодификация (commodification of knowledge)*. Университет начинает заниматься предпринимательством, поскольку вынужден думать о том, как заработать деньги для поддержания своей деятельности. Ему необходимо продавать знание людям, которые готовы платить за него, или студентам, которые платят за обучение. Я думаю, что в постсоветской России даже университеты с государственным бюджетным финансированием (public university), — я имею в виду не только Санкт-Петербургский университет, а все государственные университеты, — вынуждены будут испытать это на себе. Процесс коммодификации идет во всем мире. Это мое видение, и первое, что важно отметить, — это коммодификация знания. Я могу рассказать вам многое о том, как университеты в разных странах получают прибыль. Похожее происходит и здесь, в России.

Однако существует *второй вид давления — это регулирование*. Возможно, вы все с ним знакомы. То, что происходит с университетами — это не только коммодификация и приватизация, но и регулирование, которое идет сверху. Если вы хотите продать знание, которое произведено в университете, вы должны вызывать доверие, обладать репутацией, вы как бы ставите на себя товарный знак, бренд университета. А для этого нужно понять, какой университет престижнее, какой университет является лучшим

объектом инвестиций для ваших денег. У нас есть международная, национальная и дисциплинарная рейтинговые системы, и они распространяются по всему миру. Это в особенности касается социологии. Если Вы хотите ввести рейтинговую систему в Санкт-Петербургском государственном университете, что для этого нужно сделать? Например, когда китайцы разрабатывали рейтинговую систему, они сравнивали свои университеты с лучшими университетами США — это университеты Восточного побережья: Гарвардский, Принстонский и Йельский⁶. Лучшие становятся эталоном сравнения для всех университетов мира. Я считаю, что ваш президент хочет, чтобы пять российских университетов вошли в сотню лучших. Но это проект. Что значит быть эталоном сравнения для других? Это значит располагать бюджетом до 36 млн долларов, который предоставляет университету практически неограниченные возможности. Другие также должны соответствовать рейтингу, но как это сделать, как поднять рейтинг университета? — Издавая хороший журнал, международный журнал. Международный журнал оказывается национальным журналом США, или Великобритании, или Германии. В итоге социологи вынуждены публиковаться в престижных американских изданиях — в высокорейтинговых журналах, которые не признают специфику социологии в России. Они считают, что США — это универсальная страна, и американская социология — это социология для всех, — что влечет за собой разрушительные последствия для стран, где английский язык не является основным. Просто возмутительно провозглашать себя эталоном сравнения по отношению к другим! Особенно это касается социальных наук.

Итак, я веду речь о регулировании и коммодификации, каждое из них имеет мягкую и жесткую формы. Примечателен пример Индии, где университеты существуют за счет государственных средств, которые получают студенты. Но они не посещают университетские занятия, а просто покупают диплом. Это жесткая форма коммодификации, товаризация знания ради прибыли, и в США она тоже имеет место. Существует и мягкая форма коммодификации, предполагающая извлечение прибыли в разнообразных и не столь очевидных проявлениях, поэтому она происходит во многих странах мира.

Точно так же можно выделить мягкую и жесткую формы регулирования. Мягкая форма регулирования — это рейтинговые системы, в которых мы все, так или иначе, участвуем. Мы стремимся публиковать статьи в высокорейтинговых журналах, и, будучи полностью погружены в эту игру, мы воспроизводим её. Так действует мягкая форма регулирования, но существует и жесткая форма. Как правило, она возникает при авторитарных или деспотических режимах, когда государство решает, кто и какую позицию

⁶ Согласно рейтингу университетов мира THE World University Rankings, традиционно составляемому авторитетным британским изданием Times Higher Education (THE), в 2015 г. названные университеты вошли в десятку лучших, см., например, URL: <http://www.language-travel.ru/01.01.04.01/619.aspx> (дата обращения: 21.11.2015). — Прим. перев.

занимает в университете. В мире существуют различные комбинации регулирования и коммодификации в их жестких и мягких вариантах.

Мы должны создать сообщество критического дискурса для обсуждения важных вопросов, которые я освещаю в лекции — того, каким образом университеты существуют сегодня. Мы должны создать сообщества критического дискурса внутри университетов и межуниверситетские, внутри- и межстрановые. Необходимо посмотреть на себя со стороны, так как мы все, не только социологи, но и группы общественности, подвергаемся одному и тому же давлению коммодификации и регулирования. Мы не можем больше замыкаться в себе, так как, я полагаю, будем подвергаться еще большему давлению названных процессов. Итак, каков наш ответ, что мы думаем о таком положении дел?

Первое: нам необходимо осознать, что у каждой дисциплины есть внутренняя и внешняя зоны. Мы не можем игнорировать коммодификацию и регулирование, делать вид, что их не существует. Мы должны защитить себя от этих процессов, что будет и защитой дисциплины. Я предлагаю концептуальное решение: выделяю различные типы прикладной социологии (*policy sociology*). Есть спонсируемая прикладная социология (*sponsored policy sociology*), когда знания производятся по заказу и продаются определенным клиентам. Другой тип — инициативная социология (*advocacy policy sociology*). Это примерно то, что делает моя коллега Светлана Ярошенко, изучающая бедность и способы её преодоления. Инициативная социология не ориентирована на работу по заказу клиента, она стоит на защите общественных интересов и представляет, таким образом, альтернативную форму существования социологии как выразителя интересов граждан.

Второе: следует отличать внутриакадемическую социологию — профессиональное поле, в котором социологи сотрудничают друг с другом, обмениваются мнениями, статьями, проводят исследования, — от внешнего давления. Иными словами, следует различать предметный поиск самой науки и внешнее, навязанное регулирование. Макс Вебер был очень заинтересован в сохранении автономии науки, её свободы от интервенций со стороны государства, Германского государства того времени, периода Первой мировой войны.

Третье: нам также следует дифференцировать два типа критической социологии. Дисциплинарная критика, рассматривающая ценностные основания социологии, которые не сопрягаются с реальностью общества. Критическая социология — это социология способная к открытой дискуссии о ценностях, сопрягаемых ею с публичной сферой. Но еще у нас есть междисциплинарное пространство, которое мы делим с другими дисциплинами и в котором мы рассматриваем социологию в более широком университетском контексте.

И, наконец, важно различать два вида публичной социологии. Есть традиционная публичная социология, которая включает написание статей в газеты, проведение интервью на телевидении, анализ прессы, наиболее читаемых книг, создание блогов, — социология, которая использует средства

массовой информации. По сути, средства массовой информации становятся средствами социологии как традиционной публичной социологии. Таким образом, мы высказываем свое мнение и надеемся на общественный резонанс. Но существует также органическая публичная социология, которая предполагает диалог с изучаемыми группами общественности: профсоюзами, различными общественными организациями, с которыми мы вступаем в диалог, ведем дискуссию о ценностях и о том, как они соотносятся с социетальным контекстом. Это то, что я называю внутренней зоной, содержанием дисциплины, это такой бриллиант, который демонстрирует её цельность. Мы, представители всех четырех типов социологии, профессиональной, критической, прикладной и публичной, должны держаться вместе вопреки оказываемому внешнему давлению.

Так я понимаю контекст, в котором мы живем. Макс Вебер в работах «Наука как призвание» и «Политика как призвание», всегда рассматривает науку и политику в более широком контексте. В своем труде «Наука как призвание», он сравнивает американскую систему высшего образования как капиталистическую систему, более ориентированную на деньги, с немецкой системой высшего образования. Когда он рассматривает политику, то сравнивает политические режимы, типы демократии, которые существуют в Великобритании, США, Германии. Мы должны понимать контекст, в котором рассматриваем социологию как призвание. Мы должны признать существование давления коммодификации знания и регулирования. Но это давление будет преобладать в университете, только если не будет сопротивления со стороны критического дискурса социальных ученых и общественности.

Вернемся к Макс Веберу. Призвание — это идея приверженности, преданности без гарантий. Преданность социологии означает начало преданности гражданскому обществу, потому что оно представляет собой основу, на которой социология может сформировать свое мировоззрение. Когда нет гражданского общества, нет и социологии. Но мы можем сказать даже больше: гражданское общество выступает как защита человечества от давления рынка, с одной стороны, и от политических сил, с другой. Во всем мире гражданское общество либо прекращает свое существование, либо поглощается государством. Можно констатировать такие тенденции. Поэтому социология, что неудивительно, сама находится в оборонительной позиции. Она не избрана и не обречена.

Итак, приверженность без гарантий. Мы все, социологи, я думаю, привержены идее защиты гражданского общества. С одной стороны, вне стен университета мы защищаем гражданское общество, как только оно подвергается нападкам. С другой стороны, в стенах университета мы тоже находимся в оборонительной позиции, потому что не выделяются деньги. Кто хочет покупать социологию? Есть много предприятий, которые могут выступать потенциальными покупателями, где может быть востребована социологическая методология. Но практически это трудно, мы не экономисты. Я хочу подчеркнуть, что социология отличается от экономических и политических

наук, что создает определенные трудности. В мире есть много людей, которые верят в существование единой социальной науки: Иммануил Валлерстайн, Пьер Бурдьё — они верят в то, что социология должна стать такой всеохватывающей масштабной наукой. Если она станет частью большой науки, какой будет эта социальная наука? Это будет экономика, поддерживаемая политологией. Политическая наука везде, где я бывал, сдвигается в сторону экономики. Я считаю, что союз экономики и политики не будет интересен человечеству, потому что рынок, поддерживаемый экономикой и политическими науками, систематически разрушает мир.

Мое видение ситуации заключается в том, что главное предназначение социологии сегодня состоит в защите гражданского общества, как бы сложно и трудно это ни было. Трагичность сегодняшнего дня заключается в том, что социология выполняет только защитную функцию по отношению к гражданскому обществу, потому что это именно то, в чем гражданское общество как никогда нуждается сегодня. Такая ситуация созвучна положениям учения Ж. Кальвина: мы не знаем, что будет завтра, но мы преданы социологии. Даже сталкиваясь с невозможностью существования социологии в данный момент истории, мы должны защищать её. В заключительной части своего эссе «Политика как призвание» Макс Вебер пишет: «В стремлении к возможному мы должны осуществлять невозможное. Только через осуществление невозможного мы можем приблизиться к реализации наших целей». Мы, социологи, должны жить *ради* социологии, а не *за счет* социологии, для того, чтобы защищать нашу дисциплину. И здесь вы зададите вопрос: что делать? Вы можете найти социологов, вдохновляемых своим призванием, по всему миру. Я знаю потрясающих социологов из Санкт-Петербурга, Анну Тёмкину и Елену Здравомыслову. Если вы почитаете их статьи, то узнаете, как в 1990-е они стали избранными, как смогли расширить свои исследования, гендерные исследования, будучи взаимосвязаны с гражданским обществом, и с какими трудностями столкнулись рубеже веков. Социологам пришлось занять оборонительную позицию, но, тем не менее, они никогда не сдавались, не оставляли свой проект, несмотря на противостояние и вопреки всем опасностям. Похожие примеры обнаруживаются в разных частях света — примеры социологов, обладающих чувством призвания, живущих *ради* социологии в обстоятельствах, являющихся весьма непростыми. На этой вдохновляющей ноте — историях, которые повествуют о необходимости защиты социологии от давления, оказываемого на нее сегодня коммодификацией и регулированием, и не только в университете, но и в гражданском обществе, я завершаю свою лекцию. Большое спасибо за внимание.

У меня очень простой вопрос: как Вы понимаете слово «ценность»? Определите, пожалуйста, слово «ценность». Это фундаментальное понятие. Как Вы его понимаете?

Макс Вебер в отношении современности сформулировал тезис «расколдования мира», согласно которому в современном мире возникает многообразие ценностей, и принципиальной становится невозможность

в какой-либо систематической форме их упорядочить. Дюркгейм же сказал нам, что социология укажет ценности, которым мы должны следовать. Вебер отвечает: «Нет. Социологическая наука не может указать, как нам жить, не может сказать нам, каковы ценности, которым необходимо следовать». Когда мы ведем речь непосредственно о социологии, я убежден, что главная ценность социологии — это гражданское общество, что подразумевает важность организаций, социальных институтов, социальных движений, той сферы, которая является независимой, относительно независимой от государства и рынка. И это, с моей точки зрения, одна из ценностей, которые разделяет социология. С другой стороны, у нас может быть фашистская социология, советская социология, либеральная социология. В Италии фашистская партия хотела развивать гражданское общество. Поэтому фашистская социология может существовать, я не исключаю такой возможности. Но сегодня, как свидетельствует статистика, большинство социологов ориентировано на две фундаментальные ценности: свободу и научную рациональность. Эти ценности могут существовать в различных сочетаниях, и я убежден, что именно они должны способствовать развитию социологии, включая идею защиты гражданского общества.

Спасибо большое за лекцию. Хотелось бы прояснить: Вы говорите об угрозах социологии. Эти угрозы возникают, потому что кто-то хочет занять её место или угроза оттого, что она просто не нужна? В данном случае, я хочу обратить внимание на свою оценку. Со времени Вашего последнего приезда в обществе резко снизился интерес к социологии. Это можно объяснить по-разному, в том числе и тем, что общество разочаровано отсутствием тех знаний об обществе, которые ему могло бы дать социологическое сообщество. Но вопрос у меня в следующем: в чем и от кого угрозы?

Угроза, как я отмечал ранее, исходит непосредственно от коммодификации знания. Социологам невыгодно продавать свое знание, как это делают экономисты или политологи. Социология становится менее привлекательной для выпускников университетов во многих странах по той причине, что им непонятно, каким образом эта профессиональная деятельность может обеспечить достойную жизнь. Одна из общемировых тенденций заключается в том, что выпускники университетов формируют группу с нестабильной занятостью (*precarious labor force*), что в особенности отражается на социологии. На социологическую науку оказывает давление регулирование, которое нарушает её автономию. Но самое важное — это рейтинговые системы, навязывающие социологической науке определенную систему взглядов, в основном, американскую, может быть, европейскую, но не ту, которая должна сформироваться на основе национального контекста, такого как здесь, в Индии или Бразилии, в Южной Африке или Китае. Социология находится в плачевном состоянии, но ей свойственно пробуждаться под воздействием социальных движений. В 2009 г. мы наблюдали волну социальных движений, которые, я думаю, оживили социологию, но только на время, так как эти движения были немногочисленны. На мой взгляд, социология очень восприимчива к активности гражданского общества. Я часто вспоминаю

пробуждение социологии в Сыктывкаре в конце 1980-х — начале 1990-х гг., когда активизация гражданского общества привела к развитию новых форм социологии. Итак, я назвал условия, которые могут угрожать социологии сегодня, но в меньшей степени — если мы будем работать над этим.

Спасибо большое за прекрасную лекцию. У меня следующий вопрос: идея приверженности социологии гражданскому обществу лично мне очень близка и, вообще, кажется интересной. Другое дело, что гражданское общество само по себе — не то чтобы совершенно не проблематичный концепт. Как Вы понимаете то многообразие гражданского общества, когда не все гражданские организации привержены ценностям свободы, например? Существуют и другие проблемы. Как они укладываются в Вашу концепцию? Спасибо.

Это особенность гражданского общества. Экономисты разработали понятие экономики, а затем монополизировали знания, связанные с данным понятием. Мы же, социологи, постоянно сталкиваемся с трудностями, когда пытаемся определить, что мы подразумеваем под обществом. У всех различные точки зрения по этому вопросу. И одна из трудностей, помимо тех, о которых Вы сказали, — многообразие форм гражданского общества. Когда я рассказывал о публичной социологии и важности гражданского общества в такой стране, как Уганда, они спросили: «Что такое гражданское общество? Как у нас может быть социология или публичная социология?» Таким образом, где-то мы едва ли можем говорить о существовании гражданского общества, в то время как в других местах оно очень диверсифицировано. Поэтому и сама социология фрагментируется: мы не можем говорить о единстве ценностей — они различны. Социология так многообразна именно потому, что гражданское общество характеризуется разнообразием социальных общностей. И это вызов, с которым мы сталкиваемся. Трагедия социологии состоит в том, что, с одной стороны, она должна быть верна своим основаниям, с другой стороны, она диверсифицируется, и мы становимся слабее, потому что разобщены. Я думаю, что самая большая трагедия социальных наук и социологии состоит в том, что призвание социолога может саморазрушаться именно по той причине, о которой Вы сказали. «Гражданское общество» — это действительно очень неоднозначный термин, и мы не должны игнорировать существование дискуссионных вопросов в его определении.

Я хотел бы продолжить дискуссию о гражданском обществе. Я согласен, что это весьма противоречивый концепт. Он был создан главным образом в 1960–1970-е в рамках восточноевропейских дисциплин, которые боролись против государственного вмешательства, не говоря об этом открыто. Они хотели быть игроками на политической арене, но не могли не видеть, что таким образом пытаются потеснить государство. Они исходили из позиции действия только в рамках гражданского общества. Позже они пришли к компромиссу о том, что гражданское общество — это сторона политической активности, но она носит ограниченный характер, не выходит за пределы, за которыми становится слишком опасна или слишком

идеологически ангажирована. В результате, если социология становится оружием или инструментом гражданского общества, она приобретает ограничения. И очень часто то, что мы можем наблюдать в гражданском обществе социологически — это атомизация, деполитизация, меланхолия, я думаю, что-то в этом роде, что действительно имеет место. Но я говорю о настоящем времени: сегодня люди действительно относительно деполитизированы. Если смотреть в более широком национальном контексте, возможно, что деполитизация — это только один аспект общей более оптимистической картины. Все это я говорю к тому, что, с моей точки зрения, социальные науки должны быть объединены, но, конечно, не в рамках политической науки.

Вы сделали очень интересное замечание о том, что социальные науки должны быть объединены и не на основе политической науки. Но тогда на основе чего, что станет фундаментом их объединения? Я знаю, не совсем честно спрашивать Вас, но мне нужен ответ, чтобы в свою очередь ответить на Ваш вопрос. Это правда, что гражданское общество по-новому концептуализируется, в особенности в Восточной Европе, в противовес социализму. Там было много открытий, какие-то ими не были, но ученые думали, говорили и писали как социологи, с перспективы гражданского общества в противостоянии государству. Я думаю, не совсем правильно говорить, что гражданское общество — это инструмент социологии. Это не то, что я имел в виду. Я говорю о том, что социология принимает точку зрения, позицию гражданского общества, коллективно самоорганизующегося общества. Я считаю, что гражданское общество может быть деполитизировано. Но кто будет заниматься политикой, если не гражданское общество? Политика в государстве имеет серьезные ограничения, потому что государство ограничено экономикой. Нет никакой политики без экономики. И нам остается только гражданское общество, а гражданское общество не всегда деполитизировано. Если мы возьмем пример Латинской Америки, мы найдем интересные черты политической сферы, представляющие новые формы участвующей демократии (*participatory democracy*), которая относится, прежде всего, к гражданскому обществу. Депрессия и утрата иллюзий связанных с демократизацией, переходной экономикой, диктатурой в условиях структурной неопределенности, стали причиной, возникновения многочисленных социальных движений, которые переопределили содержание демократии в Латинской Америке и ввели практику создания альтернативных социальных институтов. Конечно, этот пример нельзя экстраполировать на весь мир, но у нас есть много примеров, когда гражданское общество движимо политикой — оно не является деполитизированным. Вы можете это увидеть на примере постсоветской России: волны социальных протестов, концентрирующиеся в больших городах и в Москве; социальные движения, преследующие определенные политические интересы. Я буду думать о важности гражданского общества до тех пор, пока кто-либо не предложит мне иное, лучшее решение проблем, с которыми мы сталкиваемся сегодня во всем мире: проблемы экспансии рынка, товаризации земли, воздуха,

воды; коммодификации труда, коммодификации знания и коммодификации денег. И эти процессы, практически нерегулируемые, разрушают наш мир, и это происходит при сотрудничестве национальных государств. Гражданское общество — это единственный выход, единственная надежда, как бы сложно это ни было.

Я бы хотел вспомнить кроме Вебера еще и Дюркгейма. Дюркгейм, на мой взгляд, был пессимистом, потому что именно он утверждал: чем больше разнообразие, чем больше разделяется труд, тем больше разделяются люди, и это неотвратно влечет за собой снижение норм, возникает релятивизм норм. Несмотря на то, что Дюркгейм очень доверительно все это обосновывал, в конце он оказался отличным человеком, потому что в финале он написал, что всё это как-нибудь обойдется. Не хватает его оптимизма, хотя очень хотелось бы, чтобы всё обошлось. И, наверное, гражданское общество — это то, что могло бы помочь выбраться из этого тупика.

Да, в целом это отражает то драматичное положение, в котором мы находимся. Давайте вернемся к Веберу... У Маркса, Вебера и Дюркгейма, у них, у всех троих, было понятие разделения труда. Маркс писал, что разделение труда — это ужасно, это отрицание потенциальных возможностей человека, мы должны преодолеть общественное разделение труда. Он был сторонником коммунизма, оптимистом и считал, что капитализм уничтожит сам себя, частной собственности не будет. Дюркгейм же говорит: «Нет, этого не произойдет. Разделение труда — это хорошо. Оно является источником органической солидарности. Если мы обратимся к работе «О разделении общественного труда», где Дюркгейм уделяет внимание патологическим формам разделения труда, мы также обнаружим, что он пишет о том, что, собственно, и является основанием социализма. К этой теме он вновь обращается во введении ко второму изданию книги. Он отмечает, что у нас будет не частная собственность, а собственность, контролируемая профессиональными корпорациями. Мы уничтожим представление о необходимости богатства... Уничтожим, здесь, в России?! Это очень оптимистический взгляд на разделение труда в рамках социалистической системы, в которой профессиональная корпорация, по мысли Дюркгейма, становится основной формой политической организации. Вебер говорит: «Вы оба — сумасшедшие. Вы не можете отменить разделение труда для того, чтобы построить социализм. Мы должны жить с разделением труда. Мы должны жить с доминированием функции разделения труда. И лучшее, что мы можем сделать — это придать смысл разделению труда, чтобы сделать труд призванием». Вопрос в том, кто может сделать специализированную профессиональную занятость призванием? Можем ли мы, социологи, придать смысл профессии социолога?

Я работал на многих предприятиях мира, и всегда меня поражало и приятно удивляло, как даже неквалифицированные рабочие могут делать работу своим призванием, видеть смысл своей работы. Обнаруживается, что даже неквалифицированный труд требует определенного набора навыков.

Если вы когда-нибудь работали на заводе, то знаете, что неквалифицированные рабочие иногда могут быть очень опытными работниками. Даже самые неквалифицированные работники обладают потенциалом. Но когда мы ведем речь о социологии как призвании, труд приобретает иное значение. Вопрос в том, может ли призвание, имеющее отношение всего к нескольким профессиям, сохраняться в условиях, когда эти профессии — врача, юриста, социолога, ученого — становятся частью прекариата⁷? С моей точки зрения, мы можем наблюдать этот процесс в разных частях света: доктора, юристы, ученые, факультеты университетов обнаруживают всё меньше тех, кто может видеть глубокий смысл своей работы, воспринимать её как призвание. Все эти профессии пополняются армиями прекарных работников. В США люди не идут учиться в юридические колледжи, потому что для адвоката нет достойной работы. Многие работники выведены за штат компаний в Индии, в других странах, то же самое в Мексике. Идея призвания очень важна. Сколько у нас осталось профессий, в которых люди могут посвятить себя служению, следовать призванию? Я считаю, что, несмотря на всё, мы, социологи, можем сделать это: создать сообщество, приверженное призванию социологии. Мы должны больше сотрудничать в условиях меняющегося контекста разделения труда, меняющегося рынка труда.

Дата поступления: 25.04.2019

Sociology as a Vocation

DOI: 10.19181/inter.2019.18.1

Michael Burawoy

Buravoy Michael — professor at the University of California, Berkeley.

Max Weber's famous essays "politics as a vocation" and "science as a vocation" leave open the question of what one might mean by "sociology as a vocation". What might "sociology as a vocation" have meant for Weber? In today's conditions what might we mean by "sociology as a vocation"? The answer will vary from place to place, but can there also be a common vision for sociology? Is there something distinctive about sociology as compared to economics and political science? Or should they all be dissolved into a single social science?

Keywords: sociology, professional identity, Weber, civil society

Received at: 25.04.2019

⁷ Прекариат (от англ. precarious — нестабильный, ненадежный и англ. proletariat — пролетариат) — термин, введенный в активный социологический оборот британским социологом Гаем Стэндингом для обозначения нового класса работников, сформировавшегося в условиях гибкого рынка труда и характеризующегося нестабильной занятостью, нестабильным доходом, отсутствием обеспечения большинства социальных гарантий и защиты прав со стороны работодателя и государства, см.: Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с. — Прим. перев.